

КАРАЧЕНЦОВ С ЛЕЗВИЕМ У ГОРЛА

Москва. *интервью* — 1998. — 24 февр. — с. 3.
Картина "Цирк сгорел, а клоуны разбежались" ленинградского режиссера Владимира Бортко ("Блондинка за углом", "Собачье сердце", "Аф-

"Валютная" Качалина.

ганский излом"), пройдя через мучительные простоты, вызванные нехваткой денег, и через срочную замену исполнительницы главной женской роли Ренаты Литвиновой на другую актрису (по некоторым слухам, Рената пережила во время съемок нервный срыв), добралась таки до зрителя. Совместный продукт "Ленфильма", "НТВ-профит" и компании "2-Б-2" вызвал в Москве, во время первого показа, чудовищный ажиотаж.

У российских режиссеров уже вошло в хроническую привычку называть свои фильмы "поколенческим кино". Однако "Цирк сгорел..." — первый, может быть, фильм 90-х, который своей обескураживающей честностью на все сто заслужил этот титул. Это — страшноватый рассказ о людях, которые при

помощи нехороших обстоятельств или по собственной слабости умудрились про...рать все — любимых женщин и детей, любимую работу, собственное достоинство. Николай Караченцов, сыгравший главную роль некогда успешного кинорежиссера, выпавшего из "обоймы" и мечущегося в поисках денег на новую картину, на удивление легко сбросил маску суперзвезды-плейбоя и весь фильм мужественно и виртуозно выдержал в абсолютно драматической шкуре "живого трупа", от чего российский зритель уже отвык. Его героя имеют все. Одноглазая долларовая миллионерша (Татьяна Васильева), взгроздившаяся на режиссера и стимулирующая собственный оргазм его рассказами о том, как снимают кино, имеет его в буквальном смысле. Циничный упитанный банкир (сенсационный дебют в кино известного адвоката и депутата Андрея Макарова) и собственная дочь (Ксения Качалина), подавшаяся в валютные шлюхи и плюющая палочке в лицо, — в переносном. В финале, когда хочется разрыдаться над судьбой униженного и оскорбленного художника и прижать его к своей груди, деньги на фильм все-таки находятся. Но у персонажа Караченцова — полная творческая импотенция, его сценарий — чистая фикция, снимать нечего. Хотел он было бритвой горло себе перерезать, но не смог, и просто свалился у телевизора, по которому в это время кажут культовый "Золотой ключик" 38-го года. Сильная, ничего не скажешь, метафора того распутья, на котором стоит целое поколение: с одной стороны — погань собственной сегодняшней жизни, с другой — оптимистические ретро-мифологемы. И то, и другое — мертво. Такой роли в кино у Караченцова не было.

— И вы не стесняетесь призна-

ваться, что этот кошмар — ваша экранный автобиография? — Любопытствовал "МК" у режиссера Бортко.

— Не стесняюсь. Хотя я, конечно, не могу похвастаться таким количеством жен и детей, как у нашего персонажа.

— А бритвой себя по горлу чикнуть вы тоже пробовали?

— Бывали моменты, когда очень хотелось. Но руки все-таки не доходили. Не решался, как и герой фильма.

— Почему появился в такой отталкивающей роли адвокат Макаров?

— У него очень интересный типаж, я сразу решил его снимать. Когда мы начинали картину, он был к тому

же весьма упитанным — чрезвычайно ценная фактура. Это сейчас вот он здорово сбросил вес.

Тут богемные ряды собравшихся на премьеру пополнил и сам г-н Макаров.

— Откройте же секрет вашего внезапного похудения!

— Нет, пусть уж он останется секретом, моей маленькой тайной с большими последствиями.

— Но внешняя перемена не станет препятствием в продолжении вашей актерской карьеры?

— А не будет продолжения. Каждый должен заниматься своим делом, а мне, слава Богу, есть чем заняться

В одной тачке со Смертью.

кроме кино. Просто интересно было: что это такое — работать на площадке, перед камерой. Я свой интерес удовлетворил, теперь — до свидания.

Еще больший ажиотаж возник вокруг другого дебюта, случившегося в фильме Бортко. В роли... Смерти, которая в обличье роковой красавицы с ногами от ушей преследует главного героя и агитирует наложить на себя руки (именно он должен был поначалу играть Литвинова), предстала загадочная питерская дива Таня Ю.

— Татьяна, откуда вы взялись в кино?

— Из модельного бизнеса. В Питере я работаю в известном агентстве Татьяны Парфеновой, она и свела нас с Бортко.

— Почему у откровенно славянской девушки такая фамилия? У вас что — муж китаец?

— Это не фамилия, а псевдоним, придуманный специально для кино. Я боялась провала и решила укрыться под кодовым именем "Ю". А настоящую свою фамилию я не назову даже под пытками.

— Тут в кулуарах некоторые артисты прочат вам большие неприятности после роли Смерти. Говорят, нехорошо играть такое — примета дурная. И Литвинова вот свалилась именно на этом фильме...

— А я не суеверна. Мне просто было интересно сыграть загадочную и прекрасную женщину. Кто она — не имеет значения.

Да, такой экзотической команды, как у Бортко, на площадке давно никто не собирал. И что бы там ни говорил режиссер об автобиографичности картины, ему все-таки не так паршиво, как его главному герою. Фантазия работает, сценарии пишутся, в финальных титрах — длиннющий список спонсоров. Короче, не все еще умерли, надежда есть.

Арсений СУХОВЕРХОВ.